

УДК 82-94 + 930.24 + 94(470)“.../15”

В. А. Мельничук

ЛЕТОПИСАНИЕ ДВУХ ВЕТВЕЙ ДИНАСТИИ ОЛЬГОВИЧЕЙ В СОСТАВЕ КИЕВСКОГО СВОДА XII в.: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Летописание младшей линии династии Ольговичей рассматривается как контекст, позволяющий реконструировать летописание старших Ольговичей. Утрата текста произошла за счет редакторской обработки, выполненной составителем свода.

Ключевые слова: Киевский свод XII в.; черниговское летописание; составитель свода; редакторская обработка.

В настоящее время большинством исследователей разделяется точка зрения, выдвинутая М. Д. Приселковым и Д. С. Лихачевым, согласно которой в основе черниговского летописания, использованного в качестве одного из источников Киевского свода XII в., лежит Летописец Святослава Ольговича и его сыновей [см.: Лихачев, с. 182–184; Приселков, с. 89–92]. Предпринятые в разное время попытки выделить в составе Киевского свода Летописцы других князей черниговского рода не опровергают вызывающий у нас возражение тезис М. Д. Приселкова: кроме Летописца Святослава Ольговича, «никакой другой летописи среди князей черниговского дома не велось»¹.

В своей работе мы стремимся обрисовать литературные границы отраженного в составе Киевского свода летописания старших князей черниговского рода, начало которого мы связываем с именем Всеволода Ольговича [см.: Мельничук], а продолжение — с его сыном, Святославом. Повествование предполагаемого нами летописания включает фрагменты времени черниговского и киевского правления этих князей.

На первый взгляд летописание черниговских князей в составе Киевского свода воспринимается как текст, единство которого обеспечивается окрашенностью всего повествования особым расположением и пристрастием со стороны рассказчика к Ольговичам. Однако более внимательный анализ текста позволяет выявить в изложении многих важных событий с участием черниговских князей и доминирование позиции младших Ольговичей, летописание которых функционально подчиняет и окрашивает точку зрения двоюродных братьев.

Летописание младших Ольговичей, имевшее в своей основе Летописец Святослава Ольговича и его сыновей, содержит в своем повествовании не только особую интерпретацию фактов русской истории, но выступает в роли контекста, позволяющего реконструировать летописание старших Ольговичей. Именно наличие во многих фрагментах, описывающих события с участием черниговских князей, враждебной тональности по отношению к представителям старшей ветви династии Ольговичей определяет парадигму прочтения тех известий, в которых акцентирована их роль в исторических событиях. Эти

¹ Вслед за Д. С. Лихачевым [см.: Лихачев, с. 185], интерпретируем слова М. Д. Приселкова как отрицание систематической летописи.

известия интерпретируются нами как фрагменты гипотетически существовавшего летописания старших представителей рода черниговских князей.

Утрата текста, по нашему мнению, произошла за счет редакторской правки, выполненной составителем Киевского свода, тех фрагментов, в которых описаны события с участием черниговских князей. Стремление подчеркнуть историческую роль именно младшей линии династии Ольговичей привело к особой презентации исторического материала. О том, что составителю Киевского свода принадлежит ряд редакторских вставок и дополнений, писали разные исследователи [см., например: Приселков, с. 87–89; Рыбаков, с. 60–72; Франчук, с. 41–51].

Сложно представить, что не существовало систематического летописания династической линии князей (старшей ветви), возглавлявших киевский престол в течение нескольких лет: Всеволод Ольгович правил в Киеве с 1139 по 1146 г., а его сын — в разные годы с 1174 (6682) по 1194 (6702) г. (включая годы совместного правления с Рюриком Ростиславичем). Святослав Ольгович, существование Летописца которого признается большинством ученых, продержался на киевском престоле в течение всего двух недель. Согласно летописному тексту, киевское княжение было завещано Всеволодом Ольговичем Игорю Ольговичу: «**Всеволод же призва к собе Княне и нача молвити: Азъ есмь велии волен, а се вам брат мой Игорь, иметеса по нь. Они же рекоша: Княже, ради ся имемъ**»²; «**Всеволод же еще сын в животе своемъ посла к Изяславу Мстиславичю Володислава зятя своего, а к Давыдовичема Мирослава Андреевича, река: “Стоите ли в хрестном целовании у брата своего у Игоря”. И реша: “Стоимы”**» [ПСРЛ, т. 2, стб. 321].

По-видимому, летописцем Святослава Ольговича было составлено обращение к князю киевлян, подчеркивающее законность его княжения: «**Княне же вси сседше с конен и начаша молвити: “Брат твои князь и ты”**» [ПСРЛ, т. 2, стб. 322]. Как пишет Б. А. Рыбаков, формула двойного правления обоих братьев могла быть придумана летописцем для защиты прав детей Святослава Ольговича: впоследствии они могли сказать, что у них есть право на «отень» стол [см.: Рыбаков, с. 39].

Приведем примеры известий, имевшие в своей основе летописание старших Ольговичей, которые, по нашему мнению, были обработаны рукой составителя свода, стремившегося подчеркнуть роль в описываемых исторических событиях представителей младшей линии династии черниговских князей.

Всеволод Ольгович занимал великокняжеский престол в течение нескольких лет. В описании важного для любого княжеского рода события — восшествия на Киевский престол, обозначены интересы его брата Игоря: сообщив о его приезде, летописец замечает, что ему был давно обещан Чернигов, однако

² Все ссылки на текст Ипатьевской летописи (по Ипатьевскому списку) даются по изд.: [ПСРЛ, т. 2]; на текст Лаврентьевской летописи (по Лаврентьевскому списку) — по: [ПСРЛ, т. 1]. Далее отсылки даются с указанием столбца. Мы отказались от орфографического воспроизведения текста; современные знаки препинания расставлены, так как позволяют показать текст летописных статей в нашей интерпретации. В отдельных случаях дается наша интерпретация прочтения «темных мест».

город получают Давыдовичи. Событие оценивается рассказчиком так, как сделал бы это князь Игорь, представлена его точка зрения.

Обозначенные буквально во второй фразе после сообщения о въезде Всеволода Ольговича в Киев интересы его брата привлекли наше внимание, так как все сообщаемые летописцем подробности играют роль в формировании контекста восприятия действий киевского князя. Восшествие на киевский престол под 1146 (6654) г. Игоря Ольговича, удержавшегося на нем в течение всего двух недель, описано гораздо выразительнее: **«Игорь же еха Києву, и созва Кияне все на горю на Ярославль двор. И целовавше к немю крест, и пакы скүпшася все Кияне оу Туровы вожьнице и послаша по Игоря, рекуче: “Княже, поеди к нам”»** [ПСРЛ, т. 2, стб. 321].

Инициатива князя Игоря подчеркнута в описании похода против ляхов под 1145 (6653) г. за счет приведенного обращения его к брату, занимавшему киевский престол: **«Не ходи ты, но поидем мы»**. В списке участников Игорь назван летописцем первым: **«И иде Игорь с братом своим Святославом и с Володимиром, а Изяслав Мстиславич разболеся не иде из Володимира. Святослав Всеволодич иде»** [ПСРЛ, т. 2, стб. 318].

Под 1142 (6650) г. в рассказе о разделе земель между Всеволодом — с одной стороны, и его братьями, Игорем и Святославом, с другой, летописец явно сочувствует братьям. В самом начале рассказа он сообщает, что на сердце у князей было тяжело: **«И высть брати его тяжко сердце, Игореву и Святославу»** [ПСРЛ, т. 2, стб. 310]. Летописец подробно передает состояние обиженных князей через их диалог между собой. Текст при этом не содержит никаких сведений, которые могли бы как-то раскрыть мотивировку поступков Всеволода Ольговича.

Аналогично в следующем эпизоде для читателя раскрыты полнее чувства недовольных братьев Всеволода Ольговича. Вячеслав Владимирович (с согласия Всеволода) уступил Переяславль своему племяннику Изяславу Мстиславичу, в обмен на это сын Всеволода, Святослав, получил Владимир: **«И не любяхуть сего Ольговичи, братия Всеволожа, и поропташа на нь, оже любовь имеетъ съ Мьстиславичи, с шюрями своими, “а с нашими ворогы, и осажалъся ими около, а намъ на безголовие, и безъместье, и собе”. И тако молвахуть емү братья, и докочивахуть емү понти ратью на Мьстиславичи. Он же воли их не учини»** [ПСРЛ, т. 2, стб. 313].

Все приведенные выше примеры относятся ко времени киевского княжения Всеволода Ольговича. Уверенный тон рассказчика, отстаивающего интересы младших Ольговичей, ощутим в повествовании о событиях, связанных с сыном Всеволода Ольговича, Святославом. Правота князя Олега Святославича подчеркнута в повествовании, сообщающем о вступлении на черниговское княжение Святослава Всеволодича под 1164 (6672) г. Рассказчиком, поддерживающим Олега Святославича, а не сына старшего из Ольговичей, с помощью ремарок сформирован контекст восприятия описываемых событий: летописцем отмечено «лукавство» греческого епископа, который, по словам летописца, совершил **«злое престүпление»**, так как нарушил данную им клятву, послав весть Святославу Всеволодичу о смерти дяди. Симпатии летописца

ощутимы в завершающем рассказ замечании, акцентирующем благородство князя: Олег, уступил Чернигов имеющему приоритетные права Святославу Всеволодичу, **«на ся постѹпив»**.

Позицию младшего из Ольговичей защищает летописец в описании спора из-за вотчинного раздела между черниговскими князьями под 1167 (6675) г. с помощью ремарки: Олег просил **«в правду наделенья»**, а также подчеркивая факт заступничества киевского князя Ростислава Мстиславича, увидевшего, что Святослав Всеволодич обижает Олега.

Кроме умелой презентации исторических событий в нужном ключе, безусловно выдающей мастерство летописца как рассказчика, другой причиной главенства интересов младших Ольговичей в летописном повествовании в 40–50-е гг. является больший объем известий, им посвященных и, как следствие, рассказанных более подробно. Многие фрагменты в этом хронологическом отрезке относятся к Летописцу брата Всеволода Ольговича, Святослава [см.: Аристов, с. 125–127; Лихачев, с. 183; Приселков, с. 90–91; Рыбаков, с. 38–44]. Некоторые известия гораздо полнее, по сравнению с Летописцем старшего брата, открывают для читателя внутренний мир Святослава Ольговича, сообщая о его мыслях, намерениях и т. д. Такие примеры содержатся в отрывках с 1157 по 1159 г., описывающих взаимоотношения между Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем.

Повествование о киевском княжении Всеволода Ольговича (1139–1146) содержит в своем составе фрагменты, написанные враждебно настроенным к нему автором. Еще К. Н. Бестужев-Рюмин, анализируя рассказ о походе князя против Владимирка Галицкого под 1144 (6652) г., отметил, что он является едва ли не единственным за время княжения Всеволода Ольговича, «в котором можно заметить сочувствие к нему летописца» [см.: Бестужев-Рюмин, 1868, с. 119].

Анализируя фрагменты общего текста XII в. в Ипатьевском и Лаврентьевском сводах, Т. О. Вилкул выявила в некоторых рассказах стремление киевского редактора отделить Святослава Всеволодича от Святослава Ольговича и Ольговича выдвинуть на первый план. В то время как в Лаврентьевском своде Ольговичи «уравнены в правах», действуют совместно, в Ипатьевском своде в тех отрывках, что представляют собой дополнительный текст по сравнению с Лаврентьевским сводом (наряду с общим для двух сводов), подчеркнута роль Ольговича (например, под 1149 (6657), 1151 (6659), 1159 (6667) гг.). О редакторской обработке в Ипатьевском своде свидетельствует использование словоформы, указывающей на участие двух князей, в то время как среди

³ Например, в описании событий 1149 (6657) г., когда произошло сражение между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким, сочетание общего с Лаврентьевским сводом текста и дополнительных блоков вызвало противоречия в изложении Ипатьевского. Согласно Лаврентьевскому, к Юрию Долгорукому приходят черниговские князья Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич с предложением выступить против общего врага, Изяслава Мстиславича. В тексте Ипатьевского свода в начале похода выступает только Святослав Ольгович, а прибытие Святослава Всеволодича перенесено на более позднее время. Тем не менее остался общий с Лавр. текст: **«намъ ворогъ всимъ»**, — в то время, как если бы речь шла о двух действующих лицах, Святославе Ольговиче и Юрии Володимериче, ожидалась бы форма двойственного числа, да и **«всимъ»** для двоих излишне [Вилкул, 2005, с. 24].

участников назван только Ольгович³. В статье 1154 (6662) в Ипатьевском своде принижена роль Святослава Всеволодича [см.: О статье...].

Сделанные в данной работе выводы представляют собой дополнительный аргумент в пользу возможного редактирования некоторых известий в пользу младших князей Ольговичей.

В конце 60-х гг. XII в. на страницах Киевского свода находим лишь упоминание о правившем в Чернигове князе Святославе Всеволодиче. Деятельность представителя младших Ольговичей, Олега, занимавшего в то время престол Новгород-Северского, освещена чуть подробнее: под 1165 (6673) г. сообщается о свадьбе князя: **«Том же лете ведена бысть Ростиславна Огафья за Олега за Святославича месяца июня в 29 день»** [ПСРЛ, т. 2, стб. 524–525]; под 1167 (6675) г. отмечено рождение его сына, смерть жены, зафиксирован возглавляемый им поход против половцев. В описании совместного похода Ольговичей против половцев под 1168 (6676) г. внимание летописца вновь приковано к князю Олегу, об успехах которого он сообщает в первую очередь: **«Той же зиме ходиша Олговичи на половци. Бе во тогда люта зима велми, и взя Олег веже Козины, и жену, и дети, и злато и серебро. А Ярослав Беглюковы веже взя. И похваливше Бога и пречистую его Матерь, возвратишася во свояси»** [ПСРЛ, т. 2, стб. 532].

Летописный текст времени киевского княжения Святослава Всеволодича не содержит рассказов, описывающих события с участием черниговских князей, в которых при беглом прочтении заметно стремление подчеркнуть интересы одних князей в ущерб другим (в отличие от известий времени его черниговского правления или киевского правления его отца, Всеволода Ольговича). Многие известия, напротив, свидетельствуют о мирном сосуществовании младших и старших Ольговичей. Среди них, например, зафиксированные под 1180, 1190 гг. совместные княжеские снымы [ПСРЛ, т. 2, стб. 613, 615–616, 618, 669]; описанное под 1180 (6688) г. сражение черниговских князей в союзе с Васильковичами против Давыда смоленского, чуть ниже в тексте — Святослава Всеволодича с Игорем Святославичем против Ростиславичей.

«Выбиваются» из общей тональности летописного повествования, имеющего задачу зафиксировать в первую очередь значительные исторические события, неожиданно звучащие слова князя Игоря, обращенные к Святославу Всеволодичу во время одной из встреч: **«Отче, дровяшеть тишина, но же ся уже не годило, но авы ныне Бог дал ты сдоров был»** [Там же, стб. 616].

Однако в летописном тексте времени киевского княжения Святослава Всеволодича есть пример, демонстрирующий умелое редактирование материала, соединяющего в себе два Летописца черниговских князей, в пользу младшего из Ольговичей, в данном случае — Игоря Святославича.

В рассказе под 1184 (6692)—1185 (6693) гг., повествующем о приходе на Русь Кончака, к Летописцу Святослава Всеволодича восходит изложение начала событий. Согласно тексту, сражение возглавляли оба соправителя: Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич, однако **«всѣмъ рменина»**, у которого был **«живый огонь»**, привели именно Святославу Всеволодичу [Там же, стб. 636]. По-видимому, имя Рюрика было приписано составителем свода, имевшим особое расположение к князю, составившим многие известия, относящи-

еся к нему и стремившимся княжескую деятельность Святослава Всеволодича представить как совместное правление его с Рюриком [см.: Приселков, с. 87—88; Шахматов, с. 71].

Рассказчик стремится оправдать Ярослава Всеволодича, не участвовавшего в походе, особым образом «преподнося» для читателя случившееся. Кончак, по словам летописца, послал к Ярославу Всеволодичу, мира прося, «с лестью». Доверчивость князя подчеркнута с помощью ремарки «не ве́ды лести ихъ»: «Ярослав же, не ве́ды лести ихъ, послал к ним мѹжь свои Ольстина Олексича»; кроме того, летописец приводит обращение Святослава Всеволодича к князю: «Братѣ, не ими имѣ веры» [Там же, стб. 635]. Поведение князя, отказавшегося выступить против половцев из-за того, что среди них находится его воевода, оказывается для читателя оправданным, имеющим под собой веские основания.

После торжественного объяснения победы русских князей помощью Бога и фразы, условно завершающей сюжет: «И поидоша каждо во свояси, славяще Бога во Тронце, Отца и Сына и Святаго Дѹха» [Там же, стб. 363], следует, по видимому, вставка из Летописца Игоря Святославича. Буквально первое предложение сообщает об отказе Ярослава Всеволодича участвовать в походе: рассказчик ссылается на слова князя, объясняющие его действия тем, что он выслал своего мужа Ольстина Олексича в стан половцев. Авторская ремарка, приведенная в тексте, на первый взгляд звучит нейтрально: «Тѣм отречеся братѹ своему Святославу». Однако, попадая в контекст слов Игоря: «Не дай Бог, на поганые езда ся отрещи. Поганы естъ всем нам обчии ворог» [Там же, стб. 637], приобретает эмоциональную окраску, задает определенный вектор прочтения отрывка, «подталкивая» читателя не сочувствовать князю, а скорее осуждать его.

В эпизоде, завершающем рассказ о сражении с Кончаком, в выгодном свете представлен князь Игорь, который вопреки мнению дружины, не видевшей возможности в краткие сроки догнать Святослава Всеволодича, принимает решение все же выступить в поход, однако препятствием для осуществления его планов стал мерзлый снег: «И бяшеть серен⁴ велик, акоже вои не можахуть зренима перенти днем до вечера» [ПСРЛ, т. 2, стб. 637]. Авторское стремление оправдать князя Игоря ощутимо в уточнении, что Игорю не понравились слова бояр, отговаривающих его от выступления.

Весь рассказ в целом подвергся редакторской обработке, позволяющей расставить акценты определенным образом: в лучшем свете оказался представлен представитель младших Ольговичей Игорь Святославич.

Под 1186 (6694) г. приводится известие об освещении Святославом церкви Благовещения в Чернигове, и дальше этого года следов летописи Святослава Всеволодича, по мнению Б. А. Рыбакова, в Киевском своде нет [см.: Рыбаков, с. 138]. Разделяя точку зрения П. П. Толочко об отражении в известии под 1195 (6703) г. черниговских фрагментов [см.: Толочко, 2003, с. 150—151], полагаем, что они восходят к летописанию старших Ольговичей. В этом рассказе

⁴ Серен — мерзлый снег [Срезневский, стб. 339].

благосклонным отношением к сыну Святослава Всеволодича Олегу и брату Ярославу окрашен отрывок, описывающий поход Ольговичей к Витебску. Олег Святославич, узнав о пленении Мстислава Романовича, посылает радостное известие об этом дяде Ярославу в Чернигов: **«Се же слышав Ярослав, и вси Ольговичи и обрадовашася»** [ПСРЛ, т. 2. стб. 693].

Аккуратно предположим, что с использованием этого же источника мог быть составлен рассказ под 1196 (6704) о княжеской ссоре, в описании которой приведены гневные речи Ярослава, обращенные к Рюрику с укором: **«Чемү еси, брате, почал волость мою воевати, а поганым рүце полнишь»** [Там же, стб. 695]. Невероятно, чтобы составитель Киевского свода, пристрастный к Рюрику и переработавший многие известия своих источников, относящихся не только к нему, но и к его семье, включил бы в текст известие, в котором Рюрика Ростиславича резко обвиняет черниговский князь Ярослав Всеволодич.

По-видимому, в одном из известий осуждению со стороны летописца подвергся Святослав Всеволодич: в описываемых событиях он выступал на стороне Андрея Боголюбского, противника Ростиславичей. Под 1174 (6682) г. описывая конфликт между Ростиславичами и Андреем Боголюбским, автор отмечает радость Ольговичей, подчеркивает роль Святослава Всеволодича в разгоравшемся конфликте: **«И се слышавше Ольговичи, и ради быша. Святослав Всеволодич и вси братья его послаша м҃же свое к Андрееви, поводяче и на Ростиславиче»** [Там же, стб. 572]. Аналогичный пример содержится под 1177 (6685) г. в известии о победе половцев над русскими князьями: **«То слышавши Олговичи, Всеволодич Святослав, обрадовашася, аки не ведуще Божия казни»** [Там же, стб. 603].

Сочувствующим смоленским князьям Ростиславичам автором, по мнению Б. А. Рыбакова и В. Ю. Франчук, игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем [см.: Рыбаков, с. 68–69; Франчук, с. 47–48], составлен внутренний монолог Святослава Всеволодича в рассказе, повествующем о его конфликте с Ростиславичами под 1180 (6688) г.: **«И не үдержався от ярости, перест҃упя крестъ, и перееха чересь Днепръ, и помысли во үме своем: “Яко Давыда им҃, а Рюрика выженү из землє, и прим҃ власть Рүськую единъ, помысливъ високоүмьємъ своимъ”»** [Там же, стб. 615].

Как пишет В. Ю. Франчук, летописец, раскрывая ход мыслей князя, «прибегает к вольному или невольному заимствованию из «Повести временных лет», где о Святополке сказано следующее: **«И нача помышляти, яко извью всю братью свою, и прим҃ власть Рүськую единъ, помысливъ високоүмьємъ своимъ»** [ПСРЛ, т. 1, стб. 139].

А. К. Зайцев, анализируя два известия под 1190 (6698) и 1193 (6701) гг. в составе Киевского свода, содержащие рассказ о походе Ростислава Рюриковича с «черными клобуками» против половцев, приходит к выводу о том, что эти известия дублируют друг друга. Факт дублировки заставляет исследователя засомневаться в том, что одно из них входило в состав свода, написанного близким к семье Рюрика игуменом Моисеем, так как составитель не мог допустить дублировку в описании событий пятилетней давности [см.: Зайцев, с. 78]. В известии 1193 (6701) г. Святослав Всеволодич обращается к Рю-

рику Ростиславичу с обвинением, как пишет исследователь, в небрежении Русской землей.

Возникает вопрос о времени включения в Киевский свод известий: в одном под 1193 (6701) г. описан поход Ростислава Рюриковича против половцев; в другом, под 1195 (6703) г. — победа над смоленскими полками под Витебском Ольговичей.

Наличие в летописном повествовании известий, возводимых нами к летописанию старших Ольговичей, в которых в какой-то степени ущемлены интересы Рюрика Ростиславича, может быть объяснено, если принять гипотезу А. П. Толочко, относившего дату составления Киевского свода к началу XIII в. [см.: Толочко, 2006, с. 73—87]. В таком случае сводчик мог оставить многие фрагменты, представляющие князя, к тому времени ушедшего из жизни, в нелицеприятном свете. Возможно, в повествовании Ипатьевского свода рубежа XIII в. отражены известия южной летописи, использованной для пополнения текста Лаврентьевской летописи «вскорости» после 1212 г.

Сформулируем выводы, имеющие предварительный характер и требующие поиска дополнительной аргументации.

Известия, сохранившиеся в составе Киевского свода в виде фрагментов, в которых сделан акцент на роли князей старшей ветви династии Ольговичей, указывают на вероятность существования летописания более полного объема, содержащего иную точку зрения на исторические события по сравнению с той, что содержится в летописании их двоюродных братьев. Летописание старших князей черниговского рода велось, по нашему мнению, систематически и было подвергнуто редакторской обработке при использовании в качестве одного из источников в пользу младших черниговских князей.

Среди сохранившихся фрагментов, которые содержат в себе взгляд на описываемые события точки зрения старших Ольговичей, — описание походов Ольговичей против Ярополка Владимировича (относящиеся ко времени черниговского правления Всеволода Ольговича), а также уникальные известия, дошедшие до нас только в составе Ипатьевского свода, охватывающие время нахождения князя на Киевском престоле [см.: Мельничук].

Явно «выбиваются» из повествовательного поля младших Ольговичей следующие известия времени черниговского княжения Святослава Всеволодовича: ремарка летописца под 1174 (6682) г., выдающая стремление летописца подчеркнуть важность черниговского княжения: **«В то же время сѣящѹ Святославѹ Всеволодовичю в Черниговѣ, а Романови сѣящѹ в Києвѣ»** [о принадлежности данной фразы черниговскому автору см., например: Бестужев-Рюмин, с. 138; Рыбаков, с. 136]; гневные речи, обращенные к киевскому князю Ярославу Изяславовичу с напоминанием прав Ольговичей: **«Я не Угрин ни Лях, но единого деда есмы внѹци, а колко тобе до него, только и мнѣ»** (черниговскому автору приписывает их П. П. Толочко [см.: Толочко, 2003, с. 150]); описание усобицы под 1175 (6683) г. [о черниговском происхождении см.: Зайцев, с. 69—75; Рыбаков, с. 115]. Речи с формулировкой прав Ольговичей на Киев дословно воспроизведены в тексте под 1195 (6603) г. в обращении Ярослава Всеволодовича к Рюрику в ответ на его требование отступить от Киева.

Кроме того, в состав Летописца Святослава Всеволодовича могли входить фрагменты рассказов, рассмотрение которых осталось за рамками настоящего исследования: описание под 1177 (6684) г. похода Михалки Юрьевича на Владимир, в котором принимал участие сын Святослава Всеволодовича [о черниговском происхождении см.: Насонов, с. 147–148; Рыбаков, с. 115–116]; повествование под 1181 (6688) г. о предпринятом из Чернигова (где временно находился Святослав Всеволодович) походе против Всеволода Юрьевича и стоянии на реке Влене (о том, что в рассказе представлен черниговский ракурс см.: [Вилкул, 2005, с. 59]).

В повествовании Киевского свода упоминается Кирилловский монастырь, основателем которого считают Всеволода Ольговича [см.: Алленов, с. 535; Айналов, Редин, с. 58–62; Художественно-эстетическая..., с. 147]⁵. Возможно, в монастыре, в котором была похоронена вдова князя, а позднее сын князь Святослав: «**И положиша и во святом Кюриле во отне ємѹ монастыре**» [ПСРЛ, т. 2, стб. 680], — и велась летопись старшей династической линии Ольговичей.

Благосклонное отношение составителя свода к младшим Ольговичам, отредактировавшего летописание старших Ольговичей⁶, может объяснить факт, обративший на себя внимание П. П. Толочко [см.: Толочко, 2003, с. 151]: почему приписка элегического характера, вставленная в текст некроложных статей смоленских князей Ростиславичей («и приложися к отцем своим и дѣдом своим»)⁷, была также добавлена в сообщение о смерти Всеволода Святославича (под 1196 г.), представителя младших Ольговичей, и отсутствовала в известии о смерти Святослава Всеволодовича (под 1194 г.), великого и грозного князя, занимавшего киевский престол в течение многих лет, оставшегося в памяти потомков как автор «Золотого слова», произнесенного по следам похода Игоря Новгород-Северского.

Решение вопроса происхождения известий, восходящих к летописанию старших Ольговичей конца XII в., требует дополнительных разысканий.

Алленов М. М. Врубель // Православ. энцикл. Т. 9. М., 2005.

Андрощук Ф. «Святошина печать» : заметки // Ruthenica. 2010. [Вып.] 9. С. 131–136.

Аристов В. Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи // Ruthenica. 2011. [Вып.] 10. С. 117–136.

⁵ В заметке «Святошина печать», предметом которой является редкий тип древнерусской печати, найденной в окрестностях Чернигова, упоминается печать с изображением Кирилла, интерпретируемая как печать Всеволода Ольговича [см.: Андрощук, с. 134].

⁶ Одной из причин исследователи указывают установление родственных связей между Рюриком и Игорем Святославичем [см.: Рыбаков, с. 141].

⁷ Приписки в некроложные статьи: «и приложися к отцем своим», — сделаны, по мнению М. Д. Приселкова, игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем [Приселков, с. 88–89]. Как установила Т. О. Вилкул, в Книге Судей (Суд. 2 : 10) говорится о том, что Иисус Навин и весь родъ «старцев», знавших Моисея и видевших чудеса Господня, «...приложишася къ оцѣмъ нѹ». Кроме того, сходные выражения имеются в Книге Бытия, в рассказах о смерти Авраама, Исаака и Иакова и в словах Бога — обещании дать Аврааму наследника, а также достойную старость и смерть [см.: Вилкул, 2011, с. 111].

Айналов Е. Д., Редин Е. К. Древние памятники искусства Киева : Софийский собор, Златоверхо-Михайловский и Кирилловский монастыри // Тр. Пед. отд. Харьков. ист.-фил. о-ва. 1900. Вып. 6.

Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.

Вилкул Т. О. Заимствования из Восьмикнижия у киевских летописцев XII — начала XIII в. // Ruthenica. 2011. [Вып.] 10. С. 102—116.

Вилкул Т. О. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век (предварительные заметки) // Palaeoslavica. 2005. 13, 1 (Cambridge, Massachusetts). С. 21—80.

Зайцев А. К. Дублирующие друг друга известия в статьях 6682, 6683, 6698 и 6701 гг. Ипатьевской летописи // Летописи и хроники 1980 г. : В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947.

Мельничук В. А. Летописец черниговского князя Всеволода Ольговича в составе Ипатьевского списка (к проблеме литературных границ) // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI—XX века) / сост. и отв. ред. Фокина О. Н., Алексеев В. Н. Новосибирск, 2011. С. 537—555. (Сер. «Книга и литература»).

Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. : очерки и исследования. М., 1969.

[О статье 1154(6662) г. в Ипатьевском своде] [Электронный ресурс]. URL: http://iatp.academia.edu/TetianaVilkul/Papers/1709060/_XII_.Palaeoslavica_XIII_Cambr._Mass._2005_21-80 (дата обращения: 20.08.2012).

Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.

ПСРЛ. Т. 1—2. СПб., 1997—1998.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912. Т. 3, стб. 339.

Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI—XVII вв. М., 1996. Кн. 1, гл. 7 С. 147.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Толочко А. П. О времени создания Киевского свода «1200 в.» // Ruthenica. 2006. [Вып.] 5. С. 73—87.

Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X—XIII вв. СПб., 2003.

Франчук В. Ю. Киевская летопись как памятник языка // Вопр. языкознания. 1982. № 4. С. 41—48.

Статья поступила в редакцию 10.05.2012 г.